

Н. Б. Руженцева
Екатеринбург, Россия

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ В КОНТЕКСТЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ:
ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА В. АКСЕНОВА «МОСКОВСКАЯ САГА»)**

АННОТАЦИЯ. Статья написана на материале первой части трилогии В. Аксенова «Московская сага» и посвящена функциям политических текстов в контексте художественного произведения — модификации семейно-бытового романа. Исследуя массив политических текстов, включенных В. Аксеновым в текстовую ткань произведения, автор статьи приходит к выводу, что политические тексты выполняют в нем три основные функции: организуют архитектуру романа, репрезентируют и транслируют авторскую точку зрения.

С точки зрения архитектуры политический текст в романе В. Аксенова выполняет **функцию фона**, на котором разворачиваются сюжетные линии (истории членов московской интеллигентной семьи). В свою очередь, фоновая целостность обеспечивается внутренней связностью политических текстов: связями между отдельными политическими текстами посредством единства (или близости) интенций, единства тональности собственно политических текстов, единства иронической тональности авторского комментария, логического единства при текстопорождении. Как следствие — основной текст (собственно повествование) как бы «вставляется» в **вертикальный контекст эпохи**.

Кроме того, фон, состоящий из массива политических текстов, призван подчеркнуть **неоднозначность интерпретации политических событий, противоречивость, релятивизм эпохи 20—30-х гг.**, смену оценок в зависимости от политических установок.

Функцией политического текста является также **репрезентация авторской точки зрения** (неприятие сталинизма во всех его проявлениях). Точка зрения автора репрезентируется прежде всего посредством разнообразия жанровых форм и трансформаций политических текстов.

Функцию **трансляции** негативной авторской точки зрения выполняют негативно-оценочная деталь, отражающая разные каналы восприятия окружающей действительности; ирония, сарказм, автокомментарии, использование ближайшего контекста с целью дискредитации политических текстов и — как следствие — идеологической системы 1920—1930-х гг.

Таким образом, политический текст играет в контексте романа В. Аксенова важнейшую роль — он органично вписан в жанровую форму семейно-бытового романа, что поднимает последний на новую высоту, превращая семейную сагу в эпическое произведение.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический текст; художественный текст; функция; В. Аксенов; жанровые модификации; жанровый корпус; трансформации; интенция; ирония; связность; тональность.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Руженцева Наталья Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры риторики и межкультурной коммуникации, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург); адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 285; e-mail: verbalis@mail.ru.

Глубинный смысл художественного произведения соотносим с его концепцией, т. е. с авторской интерпретацией окружающей действительности, репрезентированной и в плане содержания, и в плане выражения, и в плане восприятия текста. Как следствие, любая составляющая художественного текста, в том числе и фрагменты политических текстов в составе текста художественного, подчинена авторской концепции и выполняет определенные функции. Целью статьи является выявление функций политического текста как части текста художественного: а) с позиций архитектуры целостного художественного произведения; б) с позиций репрезентации авторской точки зрения; в) с позиций трансляции авторской точки зрения, его мнений и умозаключений об окружающей действительности.

Одним из наиболее распространенных видов исследования художественного текста является его композиционный анализ, связанный с понятием «точка зрения». Проблема точки зрения «представляется центральной проблемой произведения искусства — объединяющей самые разные виды искусства» [Успенский 1995: 9]. «При анализе про-

блемы точек зрения... существенно то, производится ли идеологическая оценка с некоторых абстрактных позиций (принципиально внешних по отношению к данному произведению) или же с позиций какого-то персонажа, непосредственно представленного в анализируемом произведении. Заметим при этом, что и в первом и во втором случае возможны как одна, так и несколько позиций в произведении; вместе с тем, может иметь место и чередование точки зрения определенного персонажа и абстрактной авторской точки зрения» [Там же: 22].

Понятие «точка зрения» неоднородно: «Организация текста может быть рассмотрена с оценочной, фразеологической, пространственно-временной и психологической точек зрения. Каждая из них несет определенную функцию» [Вартаньянц, Якубовская 1986: 163].

Для анализа нами был выбран текст первой части трилогии В. Аксенова «Московская сага» («Поколение зимы»), в которой речь идет о жизни московской интеллигентной семьи в сталинскую эпоху — с 1925 по 1938 г. Семейные саги иначе могут быть названы семейно-бытовыми романами, для

которых характерны «задушевная тональность», «атмосфера доверительного, интимного контакта» [Хализев 1999: 343]. Однако введение в текст семейной саги массива политических текстов резко трансформирует тональность и общую атмосферу романа, придавая ему как эпические, так и публицистические черты. Происходит это за счет актуализации оценочной (идеологической) точки зрения, т. е. того, с каких позиций «автор в произведении оценивает и идеологически воспринимает изображаемый им мир» [Успенский 1995: 19].

Идеологическая установка автора, В. Аксенова, реализована в тексте «Московской саги» посредством оппозиции: русская интеллигенция, взгляды которой сформировались в дореволюционные и революционные годы, — сталинская эпоха. В свою очередь, изображение сталинской эпохи дается в двух планах: собственно нарративный план (повествование о жизни семьи Градовых) и фоновый план (атмосфера эпохи, которая создается автором и с помощью художественных деталей, и с помощью политических текстов 1920—1930-х г., активно включаемых в произведение). Сказанное — общая оппозитивность романа и двуплановость текстовой ткани — составляет основу его архитектоники, под которой мы понимаем «построение литературного произведения как единого целого, взаимосвязь основных составляющих его частей и элементов» [Словарь литературоведческих терминов].

Оба эти плана способствуют предельно ясной экспликации оценочной (идеологической) авторской точки зрения, которую можно определить как абсолютное неприятие сталинизма во всех его проявлениях. Разумеется, авторская точка зрения реализуется на уровне всех компонентов жанра и его носителей, в том числе на уровне субъектной организации текста, его хронотопа и ассоциативных связей, однако ограниченный объем статьи позволяет нам обратиться лишь к интонационно-речевой организации текста. То же самое относится и к способам трансляции точки зрения.

Но прежде чем перейти к анализу собственно политических текстов, немного коснемся такого средства текстообразования, как художественная деталь, выполняющего в книге В. Аксенова аналогичную политическим текстам функцию. «Художественные тексты не могут быть поняты по законам формальной логики. Их понимание осуществляется особым образом путем интерпретации различных деталей, которые автор тем или иным образом выделил, подчеркнул в тексте» [Майданова 1998: 21]. Приведем не-

сколько примеров художественных деталей, посредством которых В. Аксенов как автор актуализирует собственную негативно-оценочную точку зрения. Использование деталей, соотносимых с разными способами восприятия мира (вербальным, визуальным, акустическим, тактильным, одорическим), призвано приблизить читательскую точку зрения к авторской, сблизить их миропонимание и оценку изображаемой эпохи, ср. иронический пафос деталей, их явную негативную оценочность.

Визуальные детали портрета: *Очереди к этим окошечкам, за которыми сидели энкавэдэшные люди-автоматы, были невыносимы. Широколицые, мыльного цвета, не поймешь какого пола люди-автоматы.*

Визуальные детали одежды: *У входа в импозантное здание аптеки стояли два молодых офицера... Их форма отличалась той же декадентской дикостью, что и вся эта революция, вся эта власть: престраннейшие шапки с острыми шишаками и нашитой на лбу красной звездой, длиннейшие шинели с красными полосами-бранденбурами поперек груди, отсутствие погон, но присутствие каких-то загадочных геометрических фигур на рукавах и воротнике — армия хаоса, Гог и Магог.*

Детали речевого портрета:

- *Когда военные вошли в зал, все к ним обернулось. „Как, Михаил, это ты?! Вот так сюрприз!“ — с дешевой театральной воскликнул Ворошилов, хотя всем давно уже было известно, что Фрунзе уехал из госпиталя и направился в Кремль.*

- *Пролетарии! — театральным голосом взвыл Бухарин. — Трудящиеся крестьяне! Бойцы Красной Армии и Флота!*

Невербальные детали портрета: *Шкирятов — Бог именем и шельму метит — весь подался вперед, весь к Фрунзе, глаза его пытались влезть поглубже в командарма, на широком лице его отразилась исключительная фальшь, что сделало еще заметней его природную асимметрию.*

Акустические детали: *...Вдруг захрипел на столбе раструб радиорепродуктора. Сквозь хрипы наконец пробилось: „Гражданам Советского Союза...“. Послышались какие-то какафонические шумы, постепенно оформляющиеся в траурную мелодию „Гибели богов“ Вагнера.*

Детали-характеристики, близкие к ярлыкам: *...Сколько выявляется малопривлекательных качеств: вздорность Зиновьева, зловещая непроницаемость*

Сталина, наплевизм Бухарина, никчемность Клина, сутяжничество Уншлихта.

Бытовые детали: *У Берию в здании ЦК был теперь новый кабинет, в котором Нугзар еще не бывал... Повсюду креслица-рококо, пышные люстры, шторы тяжелого шелка; неизменные три портрета — Ленин, Сталин и Дзержинский.*

Перейдем к собственно политическим текстам и их функции в художественном произведении.

«Политический текст может относиться к различным жанрам, он может быть устным или письменным... Содержательный признак рассматриваемого вида текстов — это отражение в них деятельности партий, других общественных организаций, органов государственной власти, общественных и государственных лидеров и активистов, направленной на развитие (в широком смысле) социальной и экономической структуры общества. Целевой признак политического характера текста — это его предназначенность для воздействия на политическую ситуацию при помощи пропаганды определенных идей, эмоционального воздействия на граждан страны и побуждения их к политическим действиям» [Чудинов 2006: 33].

С нашей точки зрения, политический текст, включаемый в текстовую ткань художественного произведения, является сильным средством актуализации авторской точки зрения и экспликации последней. А. Н. Васильева рассматривает актуализацию как широкое многоплановое понятие: «Она может осуществляться на поверхностном и на глубинном уровне, на системной и экстралингвистической базе, носить экспрессивный, импрессионный и скрытый характер. В одном и том же „физическом“ явлении художественного текста могут найти отражение несколько разных видов актуализации» [Васильева 1983: 169]. Автор выделяет ряд способов актуализации. Важнейшей для нашего исследования является «актуализация на базе внешнего, конкретно-исторического контекста» [Там же: 170].

Еще раз подчеркнем **точку отсчета для анализа политического текста в контексте романа В. Аксенова**. С одной стороны, политический текст в трилогии — это фон, на котором разворачиваются сюжетные линии — истории членов семьи Градовых. С другой стороны, политический текст является важнейшим актуализатором авторской точки зрения, средством ее экспликации и трансляции. В качестве иллюстраций нами были взяты как оригинальные, так и созданные В. Аксеновым по реальным образцам политические тексты. К оригинальным текстам относятся материалы прессы как

«субъекта политического анализа» [Симонов 2003; Прохоров 1998], политические лозунги 20—30-х гг. стихотворения на политическую тему, цитаты из выступлений высшего руководства СССР и иные произведения речи, бытующие в указанную эпоху. Попытаемся доказать сказанное, охарактеризовав политические тексты по следующей схеме:

- жанровая дифференциация политических текстов, использованных в первой части трилогии В. Аксенова;
- интенциональная дифференциация политических текстов;
- оценочная направленность политических текстов;
- трансформации политических текстов, их соотношение с ближайшим контекстом;
- связность и ситуативная цельность политических текстов, обеспечивающих концептуально-смысловую завершенность художественного произведения;
- трехаспектная функциональная специфика политических текстов.

ЖАНРОВАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ

Политические лозунги

- *Взвейтесь, Красные знамена! Пролетария мира! Труженики всей земли! Готовьтесь, организуйте победу мировой революции!*
- *Вошь и социализм несовместимы!*
- *Борьба за качество продукции — борьба за социализм!*

Стихи, частушки, строки из песен

- *Мы будем петь и смеяться, как дети, среди упорной борьбы и труда!*
- *Революции семь лет!*
Отрицаем мир котлет!
Революция пылает,
Власть семьи уничтожает!
- *Посмотри-кось ты на стенку*
Ем-та Троцкого портрет,
На носу очки сияют,
Буржуазию пугают!

Полемические высказывания, отражающие неоднозначность интерпретаций политических событий в 20-е гг.

- *Бухарин поет под дудку кулаков!*
- *...Почему от народа скрывают завещание Ленина? Сталин узурпирует власть!*
- *ЛЕФ — это фальшивые революционеры! Снобы! Эстеты!*

Речи вождей (часто с авторским ироническим комментарием)

- *...Идея нынешнего ЦК о построении коммунизма в одной отдельно взятой стра-*

не разит затхлостью пошехонской старины. Ей-ей това*истчи („Ей-ей“ в его устах прозвучало не в смысле „ей-ей“, а в смысле „ой-ой“) этот тезис по своей нелепости не может не напоминать сочинений писателя-сатирика Салтыкова-Щедрина о различных старороссийских уездных тугодумах.

Тексты выступлений (на собраниях, митингах и др.)

- Товарищи, — начала она, — никогда не было более страшного момента в моей жизни. В тысячу раз легче бы мне было просто умереть за партию и социализм. Я всегда знала Градова как бескомпромиссного проводника генеральной линии партии, как верного ленинца, несокрушимого сталинца. Он всегда отвергал малейшее отклонение от курса, взятого сталинским Политбюро.

- Гризодубова, перебивая шум, зарокотала ей прямо в ухо, словно пламенный мотор:

— Женщины! Девушки! Мы живем в сказочное время! Кто бы мог предсказать, что российские бабы сбросят оковы вечно-го рабства и будут пилотировать самолеты, командовать кораблями, водить тракторы и танки?! Никто и никогда не мог этого предсказать, как не может этого себе представить и современная порабожденная женщина буржуазного Запада! Мы посвящаем наш полет великой сталинской конституции, самой демократической конституции мира, и ее творцу, солнцу нашей отчизны, Иосифу Виссарионовичу Сталину!

Отдельные высказывания вождей

- ... Сам товарищ Сталин подчеркивал, что «сын за отца не ответчик».

Тосты, застольные речи

- ... Пусть будет Грузия настоящей витриной социализма в нашем великом СССР, — завершил свой спич Кахабидзе.

Объявления

- Коллективизация и стирание граней между городом и деревней.

- Происки британского империализма на Ближнем Востоке.

Материалы прессы, в том числе газетные заголовки

- Разоблачена и обезврежена еще одна группа фашистских заговорщиков!

- Трудящиеся отвечают на вредительство в пищевой промышленности еще

большим сплочением вокруг большевистской партии, обязательствами с честью вступить в третий, решающий год пятилетки. На места одиночек вредителей рабочий класс выдвигает в аппарат сотни и тысячи организаторов социалистического строительства.

Радиограммы

Москва, ЦК ВКП (б), товарищу Сталину, товарищу Молотову.

Дорогой Иосиф Виссарионович и Вячеслав Михайлович! Наша четверка восторженно встретила весть о высшей награде родины. Впереди нас ждет большой труд, но мы твердо знаем, что окружены Вашей любовью и заботой и вниманием всей страны.

Мы приложим все силы, чтобы оправдать Ваше доверие и чтобы при любых обстоятельствах хранить честь нашей родины.

Папанин, Кренкель, Ширшов, Федоров

ИНТЕНЦИОНАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ

(«за» советскую власть и сталинизм);

«против» советской власти и сталинизма)

«За»

Да здравствует Сталин!

Да здравствует всесоюзный староста!

Да здравствует наше родное Советское правительство!

За ленинизм против троцкизма!

«Против»

- Да здравствует оппозиция!

- Да здравствуют вожди мирового пролетариата товарищи Троцкий и Зиновьев!

- ВКП(б) за решеткой!

- Приезжает сам Калинин,

Язычище мягок, длинен,

Он малиновкою пел,

Но успеха не имел.

Опасаясь грозных кар,

Удирал комиссар!

- Подымайся, люд крестьянский!

Всходит новая заря —

Сбросим Троцкого оковы,

Сбросим Ленина-царя...

- Прочь коварство, тупость, злоба!

Убирайся к черту, Коба!

- Долой жуликов-бюрократов! Долой Сталина!

- Спасение революции в ваших руках! Долой Сталина!

- Остановим попытку Термидора! Позор сталинскому ЦК!

- Долой термидорианцев!

ОЦЕНОЧНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ

Негативная ироническая оценка в автокомментариях политических текстов:

- Мы хотим, чтобы мир стал

Наш!

Минус:

Брех!

Минус:

Грязь!

Минус:

Дрянь!

Равняется:

Это Путь Октября!

Финальный выкрик ударного стиха выгодно подчеркивал корневую рифму „гря“ — „ября“, чем поэт явно гордился, не задумываясь о двусмысленности, возникающей при сопоставлении слов.

• Фасад Четвертого Дома Советов был украшен большим портретом Троцкого. Неподалеку от портрета в открытом окне время от времени появлялся **оригинал**, взмахивал пачкой тезисов, пламенно, **в лучшем стиле Южного фронта тысяча девятьсот двадцатого года**, бросал в толпу:

— Вопрос стоит просто, товарищи: или Революция или Термидор!

Позитивная оценка в собственно политических текстах, в том числе цитатах:

• Да здравствует сталинская пятилетка!

• Всех лучше советские скрипки на конкурсах мира звучат, всех ярче сияют улыбки советских веселых девчат...

• Жить стало лучше, жить стало веселее!

ТРАНСФОРМАЦИИ, соотношение с ближайшим контекстом

А. Трансформации прецедентных высказываний (часто с авторским комментарием):

• Пролетариат **экспроприирует экспроприаторов**, — думали и не выговорит Петя Птахин никогда, оказалось — прекрасно выговаривает.

Б. Несобственно-авторская речь, рассчитанная «на очень чутких к стилистическим оттенкам читателей, способных увидеть переключение речевых регистров» [Фещенко 2004: 41]:

• **Пропагандный смысл Московского метрополитена, однако, перекрывал все практические соображения. Лучшее в мире! Подземные дворцы! Подвиги комсомольцев-метростроителей! Сердца трудящихся переполняются гордостью! Забота партии и правительства и лично товарища Сталина!**

В. Пародии:

• Пародия на Демьяна Бедного, сочиняющего эпитафию на смерть М. Фрунзе:

Потом... мы на море смотрели в телескоп (коп, коп, коп)... Железною рукою в советские скрижали вписал ты „Красный Перекоп“ (коп, коп, коп)... А где же жали-жали-жали?

Г. Искаженные высказывания политических деятелей:

• Нина рассказывала о недавней командировке в Крым, где она интервьюировала важного человека, председателя КрымЦИКа товарища Ибрагимова. Современное положение татарской женщины он охарактеризовал следующим образом: „Раньше татарский женщина был закобыленный женщина, теперь мы сделали из нее публичный женщина!“

Д. Незаконченные высказывания, в том числе заголовки публикаций:

• В траве и кустах видны были клочки газет, разрозненные буквы лишь кое-где собирались в более или менее осмысленный и чаще всего страшный текст: „Позор пре...“, „очь грязные ла...“, „Суровый приговор нар...“.

Е. Соотношение с ближайшим контекстом, смешение оценочных и тематических планов, способствующее возникновению иронии как «средства атаки на адресата» [Руженцева 2015: 32]:

• Дети бежали с охапками живых цветов к Мавзолею Ленина. Отцы нации, оставшиеся на данный момент в живых, **бандиты Кобы Джугашвили**, протягивали им навстречу **благородные честные руки**. Узбекская девочка Мамлакат, собравшая больше всех хлопка, прижималась **персиковой ланитой к рябой щеке пахана**. „И солнце сильнее заблестало, и кровь ускоряет свой бег, и смотрит с улыбкою Сталин, советский простой человек“;

• Много, много фактов, жизнь в красной республике бурлит; вот еще **отповедь Пилсудскому**; а вот вам и **реклама — краски хна-басма, „тройной“ одеколон, вежеталь... на потребу мещанству...**

СВЯЗНОСТЬ И СИТУАТИВНАЯ ЦЕЛЬНОСТЬ

Связность «обусловлена линейностью компонентов текста, т. е. она синтагматична» [Сорокин 1982: 65]. Во-первых, «эта категория внешне выражается в тексте на уровне синтагматики слов, предложений, текстовых фрагментов. Автор текста в процессе его порождения стремится расчленивать континуальный смысл на компоненты, в свя-

зи с чем можно говорить и об интенциональной связности: она обусловлена замыслом автора» [Бабенко, Васильев. Казарин 2000: 57]. Во-вторых, связь политических текстов в единую фоновую ткань достигается повтором идеологем и однотипной (напряженной, драматической или иронической) тональностью политических текстов и авторских комментариев этих текстов. В-третьих, политические тексты, использованные В. Аксеновым, объединены внутренней логикой, базирующейся на трех этапах познавательной деятельности. По мнению Е. П. Прохорова, «первый шаг политического анализа предполагает необходимость „увидеть“ факт или явление, событие или заявление в рамках определенной социальной системы» [Прохоров 1998: 109]. Второй шаг политического анализа — «определение системы требований, выдвигаемых к различным политическим институтам и социальным силам» [Там же]. Третий шаг — «выработка представлений о системе политических акций, ведущих к достижению поставленных целей» [Там же: 110]. Л. Р. Дускаева соотносит данные этапы с конкретными жанровыми системами [Дускаева 2012 :443], однако политические тексты, отобранные В. Аксеновым в качестве сюжетного фона, тяготеют к логике текстообразования, о которой говорит Е. П. Прохоров, безотносительно к их жанровой разновидности. Попытаемся проиллюстрировать указанные виды связности политических текстов в общем контексте романа.

1. Примером **интенциональной** связности политических текстов в контексте романа является, прежде всего, подборка выдержек из прессы 1920—1930-х гг., в которых:

а) информация подается в ракурсе классово-вой борьбы:

- *Избирательного права лишены: кулаки, служители культа, бывшие царские чиновники, подозрительные лица свободных профессий;*
- *„Союз рабочих и науки, слившихся воедино, раздавит в своих железных объятиях все препятствия на пути к прогрессу!“ Лассаль;*
- *Михаил Кольцов: „Не может быть и речи о возвращении нашей торговли на заезженные рельсы капитализма... государство не может допустить анархии рыночного оборота, „свободной игры цен“... ничего зазорного нет в том, что соответствующие органы призвуют кое-кого к порядку...“;*

б) информация подается в форме лозунгов-призывов, которые «призваны решить проблемы мобилизации» [Киселев 2002: 46]:

- *Урожай колхозных полей собран полностью! Большевикским примером повести за собой единоличников!*
- *Шире и крепче опереться на инициативы масс в борьбе за новые миллионы колхозников!*
- *По-боевому убирать и заготовлять!*
- *Привлечь к строжайшей ответственности виновников порчи огородной продукции!*
- *Мобилизовать в двухдневный срок 30 писателей, включив их в состав ударных бригад! Ликвидировать отставание литературы от требований социалистического строительства!*
- *Сильнее огонь по кулаку и правым оппортунистам, тормозящим коллективизацию!*
- *Шире и крепче опереться на инициативы масс в борьбе за новые миллионы колхозников!*
- *Ударными обозами хлеба покрыть сентябрьский недобор!*

2. Связность политических текстов, объединенных **драматической, напряженной, обличительной тональностью**, категоричностью высказываний:

- из прессы: *Выставку нельзя рассматривать иначе, как наглую вылазку украинских националистов. Троцкистско-бухаринские враги, вредители, орудовавшие в Управлении по делам искусств при Совнарком Украины, умышленно направили кисть некоторых художников по вредному пути;*
- политический лозунг: *Отрубим когти кулаку!*

3. Связность посредством **иронической тональности** авторского комментария:

- *„Жить стало лучше, жить стало веселее!“ — гласило короткое изречение, или, вернее, утверждение, а скорее всего, меткое наблюдение, выложенное аршинными красными буквами по окнам центрального телеграфа и окаймленное электрическими лампочками. засим следовало и имя меткого наблюдателя — И. Сталин, и его гигантский портрет. Ему все и приписывалось — улучшение и дальнейшее увеселение жизни;*
- *Увы, вдобавок к Руставели еще две грузинских личности украшали каждый перекресток — Сталин и Берия. „Да здравствует великий вождь трудящихся всего мира товарищ Сталин!“, „Да здравствует вождь закавказских трудящихся товарищ Берия!“ — там и сям начертано то грузинской вязью, то супрематизмом партийной кириллицы. Какие уж, впро-*

*чем, тут супрематизмы, все будет-
ляне давно задвинуты в самые тем-
ные углы, сидят и пикнуть боятся,
а многие уже и покинули этот мир,
оказавшийся столь негостеприимным
для их космического эксперимента. Ис-
кусство принадлежит народу и должно
быть понятно народу! Вот какие пар-
суны социализма выставлены в окнах,
вот какие воздвигнуты скульптуры
пионера с планером, пограничника с
винтовкой, девушки с веслом!*

4.Связность посредством повтора **идео-
логом**: Сталин, партия, ленинский путь,
генеральная линия партии, большевики,
большевистский пример, коммунизм, рабо-
чий класс, трудовое крестьянство, социа-
листическое строительство, враги, разо-
блечение, оппозиция, ликвидация и т. д.

5.Связность посредством единых **«внут-
ренних логических этапов»** (Е. П. Прохо-
ров) политического текстообразования (в ка-
честве иллюстраций приведем разные жан-
ровые формы):

- материалы прессы: *Разоблаченные враги
народа, занимавшие руководящие посты в
академии сельхознаук и в Главзерно Нарком-
зема СССР, немало потрудились, чтобы за-
путать зерновое дело. Было бы непростит-
ельным благодушием считать, что после
разоблачения на фронте растениеводства
все обстоит благополучно. Корни вреди-
тельства, несомненно, остались.*

Факт, событие — разоблачение «вреди-
телей» в области сельского хозяйства.

Определение системы требований: не
терять бдительности, не поддаваться благо-
душию.

Выработка представлений о системе по-
литических акций: дальнейшее разоблаче-
ние «вредителей» (оставшиеся «корни вре-
дительства»);

- стихотворение:

*В общем, он читал:
Корень квадратный
Из РКП!*

Делим на:

Вперед! В упор глаза!

Жми! И ни шагу назад!

Плюс:

Электрификация!

Смык!

Тренаж!

Плюс:

Мы хотим, чтоб мир стал —

Наш! (С. Третьяков)

Факт — программа РКП.

Определение системы требований: дви-
гаться при выполнении программы только
вперед.

Выработка представлений о системе по-
литических акций: электрификация, смычка
между городом и деревней, тренировка, ве-
роятно с целью победы мировой революции;

- фрагмент речи секретаря МК: *Главная за-
дача коммунистов Москвы — пресечь все
контакты вождей оппозиции с рабочими. Го-
воря откровенно, лучшим решением вопроса
было бы подключение органов ГПУ, но мы
сейчас не можем пойти на это: поднимется
страшный вой. Сегодня мы должны разо-
слать группы нашего актива по всем пред-
приятиям, где, по надежным сведениям...*

Факт, событие — имеющие место быть
контакты вождей оппозиции с рабочими.

Определение системы требований: пре-
сечь все контакты вождей оппозиции с рабо-
чими.

Выработка представлений о системе по-
литических акций: разослать группы актива
по всем предприятиям.

* * *

В целом, говоря о функциональной спе-
цифике политических текстов в контексте
художественного произведения, хотелось бы
акцентировать внимание на следующем.

1.С точки зрения архитектоники политиче-
ский текст в романе В. Аксенова выполняет
функцию фона, на котором разворачивают-
ся сюжетные линии. В свою очередь, фоно-
вое единство обеспечивается внутренней
связностью корпуса использованных авто-
ром политических текстов. Континуум дости-
гается связями между отдельными полити-
ческими текстами посредством интенцио-
нальной общности, единства тональности
собственно политических текстов, единства
иронической тональности в авторских ко-
ментариях, логического единства при тек-
стопорождении. Основной текст (собственно
повествование) как бы «вставляется» в фон,
который можно охарактеризовать как **верти-
кальный контекст эпохи**.

2. Кроме того, фон, включающий достаточ-
но широкий репертуар неоднородных поли-
тических текстов, призван подчеркнуть **не-
однозначность интерпретации политиче-
ских событий, противоречивость, реля-
тивизм эпохи**, смену оценок в зависимости
от политических установок, о чем пишет и
сам В. Аксенов: *Вчера был воинствующий
атеизм, сегодня „компромисс с церковью“;
вчера необузданный интернационализм,
сегодня — „учет патриотических на-
строений“; вчера прокламировался беспре-
кословный антимилитаризм и антиимпе-
риализм, давалась вольная всем народам
России, сегодня — „Красная Армия, гор-
дость революции“.*

3. Функцией политического текста является также репрезентация авторской точки зрения (неприятие сталинизма во всех его проявлениях) посредством разнообразия высказываний, жанровых форм и трансформаций политических текстов

4. Функцию трансляции негативной авторской точки зрения выполняют негативно-оценочная деталь, отражающая разные каналы восприятия окружающей действительности; ирония, сарказм, автокомментарий, использование ближайшего контекста с целью дискредитации политических текстов и — как следствие — идеологической системы 1920—1930-х гг.

Таким образом, политический текст играет в контексте романа В. Аксенова важнейшую роль: он органично вписан в жанровую форму семейно-бытового романа, что поднимает последний на новую высоту, делая семейную сагу подлинно эпическим произведением.

N. B. Ruzhentseva
Ekaterinburg, Russia

POLITICAL TEXT IN THE CONTEXT OF FICTION: FUNCTIONAL ANALYSIS (BASED ON THE NOVEL "MOSCOW SAGA" BY V. AKSENOV)

ABSTRACT. The article is based on the first part of the trilogy "Moscow Saga" by V. Aksenov; it is devoted to the function of political texts in the context of fiction – modification of domestic novel. Studying political texts, included by V. Aksenov in the novel, the author of the article comes to the conclusion that political texts perform three functions in the novel: they create architectonics of the novel, represent and transmit the author's point of view.

From the point of view of architectonics, political text in the novel by V. Aksenov has the function of ground on which the plot unfolds (the story of the Moscow family of intelligentzia). The integrity of the ground is provided by the internal coherence of political texts: relations between certain political texts by means of coherence (or contiguity) of intentions, coherence of tone of political texts, the unity of ironic tone of the author's comment and logical coherence of text production. As a result, the text of the novel is "inserted" in the vetical context of the epoch.

Besides, ground, consisting of the huge number of political texts, is intended to underline ambiguity of interpretation of political events, contradictions, relativism of the epoch of the 20-30s and the shift of values depending on political directives.

The function of political text is also representation of the author's point of view (rejection of Stalinism in all its forms). The author's opinion is represented first of all by means of different genres and transformations of political texts.

The function of expressing the author's negative point of view is performed by negative-evaluative detail, reflecting different perception channels; irony, sarcasm, the author's comment, the use of the near context to discredit political texts and as a result – to discredit the ideological system of the 20-30s.

Thus political text plays an important role in the context of V. Aksenov's novel – it is fitted into the genre of domestic novel perfectly, which turns a family saga into epic.

KEYWORDS: political text; fiction; function; V. Aksenov; genre modifications; genre corpus; transformations; intention; irony; coherence; tonality.

ABOUT THE AUTHOR: Ruzhentseva Natal'ya Borisovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

REFERENCES

1. Babenko L. G., Vasil'ev I. E., Kazarin Yu. V. Lingvistscheskiy analiz khudozhestvennogo teksta. — Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2000. 534 s.
2. Vartan'yan A. D., Yakubovskaya M. D. Posobie po analizu khudozhestvennogo teksta dlya inostrannykh studentov-filologov. — M. : Russkiy yazyk, 1986. 216 s.
3. Vasil'eva A. N. Khudozhestvennaya rech'. — M. : Russkiy yazyk, 1983. 256 s.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабенко Л. Г., Васильев И. Е., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000. 534 с.
2. Вартаньян А. Д., Якубовская М. Д. Пособие по анализу художественного текста для иностранных студентов-филологов. — М. : Русский язык, 1986. 216 с.
3. Васильева А. Н. Художественная речь. — М. : Русский язык, 1983. 256 с.
4. Дускаева Л. Р. Политический анализ в прессе: жанрово-стилистический аспект // Язык СМИ и политика. — М. : МГУ, 2012. С. 441—495.
5. Киселев К. В. Политический слоган: проблемы семантической политики и коммуникативной техники. — Екатеринбург : УрО РАН, 2002. 242 с.
6. Прохоров Е. П. Введение в теорию журналистики. — М. : РИП-холдинг, 1998. 456 с.
7. Руженцева Н. Б. Комическое в политическом дискурсе // Юмор и ирония в политическом дискурсе / Н. Б. Руженцева, Е. В. Шустрова, М. Б. Ворошилова ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2015. С. 8—42.
8. Симонов К. В. Политический анализ. — М. : Логос, 2002. 346 с.
9. Словарь литературоведческих терминов / под ред. Л. И. Тимофеева, С. В. Тураева. — М. : Просвещение, 1974. 509 с.
10. Смысловая структура текста / сост. Л. М. Майданова. — Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 1998. 32 с.
11. Сорокин Ю. А. Текст, цельность, связность, эмотивность // Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. — М., 1997. С. 60—79.
12. Успенский Б. А. Семиотика искусства. — М. : Школа «Языки русской культуры», июль 1995. 360 с.
13. Фещенко Л. Г. Чужая речь. — СПб. : СПбГУ, 2004. 60 с.
14. Хализев В. Е. Теория литературы. — М. : Высшая школа, 1999. 398 с.
15. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. — М. : Флинта : Наука, 2006. 256 с.

4. Dускаева L. R. Politicheskii analiz v presse: zhanrovo-stilisticheskii aspekt // Yazyk SMI i politika. — M. : MGU, 2012. S. 441—495.
5. Kiselev K. V. Politicheskii slogan: problemy semanticheskoy politiki i kommunikativnoy tekhniki. — Ekaterinburg : UrO RAN, 2002. 242 s.
6. Prokhorov E. P. Vvedenie v teoriyu zhurnalistiki. — M. : RIP-kholding, 1998. 456 s.

7. Ruzhentseva N. B. Komicheskoe v politicheskom diskurse // Yumor i ironiya v politicheskom diskurse / N. B. Ruzhentseva, E. V. Shustrova, M. B. Voroshilova ; Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2015. S. 8—42.
8. Simonov K. V. Politicheskiy analiz. — M. : Logos, 2002. 346 s.
9. Slovar' literaturovedcheskikh terminov / pod red. L. I. Timofeeva, S. V. Turaeva. — M. : Prosveshchenie, 1974. 509 s.
10. Smyslovaya struktura teksta / sost. L. M. Maydanova. — Ekaterinburg : Gumanitarnyy un-t, 1998. 32 s.
11. Sorokin Yu. A. Tekst, tsel'nost', svyaznost', emotivnost' // Aspekty obshchey i chastnoy lingvisticheskoy teorii teksta. — M., 1997. S. 60—79.
12. Uspenskiy B. A. Semiotika iskusstva. — M. : Shkola «Yazyki russkoy kul'tury», iyul' 1995. 360 s.
13. Feshchenko L. G. Chuzhaya rech'. — SPb. : SPbGU, 2004. 60 s.
14. Khalizev V. E. Teoriya literatury. — M. : Vysshaya shkola, 1999. 398 s.
15. Chudinov A. P. Politicheskaya lingvistika. — M. : Flinta : Nauka, 2006. 256 s.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Е. В. Шустрова.